

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АКСИОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-31

DOI 10.37386/2305-4077-2026-2-43-54

© Н. А. Макаричева¹

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РОМАНАХ «ИДИОТ» И «БЕСЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье предлагается анализ образов двух главных героев романов «Идиот» и «Бесы» Ф. М. Достоевского в аксиологическом ракурсе. Внимание уделяется прежде всего нормам поведения и общения, которые нарушают или соблюдают герои. Соблюдение этикета, правил поведения, подчеркивающих иерархические отношения в обществе, для князя Мышкина является не всегда возможным или обязательным. Он считает общение особой ценностью, но за этим стоит и признание ценности личности, чувств, свободы другого человека. Нарушение норм поведения и социальной иерархии, которую демонстрирует Ставрогин, раскрывает его как нравственного антипода князя Мышкина. Соответственно, можно утверждать, что нормы, в том числе и нормы поведения и общения, связаны с ценностной системой, помогающей понять как нравственную позицию героев, так и ценностные ориентиры автора.

Ключевые слова: аксиология, нормы, ценности, оценка, ценностные ориентиры, нравственные нормы

Natalia A. Makaricheva

Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russia)

STANDARDS OF CONDUCT IN THE CONTEXT OF AXIOLOGICAL PROBLEMS IN THE NOVELS "THE IDIOT" AND "THE DEMONS" BY F. M. DOSTOEVSKY

The article offers the analysis of the images of the two main characters of the novels "The Idiot" and "Demons" by F. M. Dostoevsky from an axiological perspective. Attention is paid primarily to the norms of behavior and communication that heroes violate or observe.

¹ Наталья Александровна Макаричева – доктор филологических наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0002-0218-825X. E-mail: 812nataly@mail.ru.

Compliance with etiquette, rules of conduct that emphasize hierarchical relations in society, is not always possible or mandatory for Prince Myshkin. He considers communication a special value, but this also implies the recognition of the value of personality, feelings, freedom of another person. The violation of the norms of behavior and social hierarchy that Stavrogin demonstrates reveals him as the moral antipode of Prince Myshkin. Accordingly, it can be argued that norms, including those of behavior and communication, are associated with the value system, which helps to understand both the moral position of the heroes and the value guidelines of the author.

Keywords: axiology, norms, values, evaluation, value guidelines, moral norms

Нормы в обществе являются необходимым условием для регулирования поведения людей в их совместном существовании. Нормы определяют общепринятые правила поведения людей, они могут действовать в какой-то определенной области жизни, иметь узкую или, наоборот, очень широкую сферу применения. Причем эти правила могут определяться разными законами: моральными, юридическими, этикетными и т.д. По поводу разнообразия норм и ценностей в жизни человека А. П. Власкин отмечал: «Слишком они бывают разные – от материальных до духовных, от реально достижимых до мечтательно недостижимых. Они еще и по-разному выражены в психологии и поведении» [Власкин, 2012, с. 402].

Названия многих произведений Ф. М. Достоевского содержат в себе аксиологическую составляющую: «Униженные и оскорбленные», «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Кроткая». Часть из этих названий подразумевает определенную *оценку* («Бедные люди», «Идиот», «Кроткая», «Бесы»), которая предполагает, что есть определенная шкала ценностей, которая и позволяет определить, что есть хорошо, что плохо, что достойно, что – нет, какие качества человека осуждаемы, какие – вызывают уважение. Соответственно, когда мы знакомимся с чьей-то оценкой, возникает вопрос: чья это оценка, с какой точки зрения и кто определяет, кто есть *идиот*, а кто – *бесы*?² Кому и за что жалко *бедных людей*? Что стоит за таким качеством, как *кротость*?

Внимание к *оценке* со стороны писателя и со стороны героев – важная часть аксиологического анализа. Сошлемся на мнение В. А. Свительского, который писал: «Оценка в произведении обусловлена теми ценностями и идеалами, которые выражает и отстаивает писатель. Внутренний мир произведения неизбежно ориентирован на ту или иную систему ценностей, строится на определенной шкале авторских оценок, которая находится в проблематическом соотношении с оценками персонажей и читателя. Оценочные «векторы» автора, героя и читателя могут совпадать или отрицать друг друга, могут спорить между собой» [Свительский, 1995, с. 8].

² Курсив здесь и далее наш. – Н.М.

В последние десятилетия внимание к аксиологическому подходу в литературоведении имеет достаточно устойчивый характер. Аксиологический подход к художественному произведению помогает раскрыть ценностную сторону литературного произведения, выявить ценности, которые утверждает или отрицает автор, обнаружить оценочные отношения, демонстрируемые героями произведения. Поэтому аксиологический подход необходим для адекватного и наиболее точного понимания художественного текста, поскольку концентрирует внимание на ценностях автора и героев художественного произведения.

Роман «Идиот» уникален тем, что дает нам пример очень разнообразных норм, действующих в жизни людей, и столкновения ценностей и даже различных ценностных систем. В романе с очень сложной аксиологической проблематикой, главный герой которого – воплощение «положительно прекрасного человека», то есть по сути идеала, проблема нарушения норм поведения в обществе, норм общения между людьми, и даже уже – правил этикета – часть сложной картины ценностного взаимодействия и ценностных конфликтов.

В диссертации Е. В. Кузнецовой, которая посвящена исследованию художественной аксиологии в романе «Идиот», отдельное внимание уделяется *общению* как особой ценности. Уникальность манеры общения князя подчеркивается через сравнение с манерой других героев, прежде всего Гани Иволгина: «Фактически Ганя демонстрирует тот тип общения, который может считаться в этой петербургской среде общепринятым. То есть к собеседникам здесь относятся избирательно, в соответствии с их “значением”, статусом, богатством и другими показателями социального положения. В общении стараются соблюдать свои интересы, создавать или соблюдать свою репутацию. У Гани в манере общаться с людьми всё это доведено до крайности и приобретает опошленный вид. В манерах же Мышкина доведен до крайности противоположный тип общения – естественный, лишенный какой бы то ни было преднамеренности и прагматичности» [Кузнецова, 2009, с. 46].

Показательно появление Мышкина в доме Епанчиных, которое начинается с разговора князя с опытным камердинером. Простота и открытость князя, его умение «угадывать» мысли и оценки собеседника оставляют у камердинера неоднозначное впечатление: «Казалось бы, разговор князя был самый простой; но чем он был проще, тем и становился в настоящем случае нелепее, <...> и камердинеру зашло в голову, что тут два дела: или князь так, какой-нибудь потаскун и непременно пришел на бедность просить, или князь просто дурачок и амбиции

не имеет, потому что умный князь и с амбицией не стал бы в передней сидеть и с лакеем про свои дела говорить, а стало быть, и в том и в другом случае не пришлось бы за него отвечать?» [Достоевский, 1973, с. 18]³.

Восприятие камердинера обусловлено его социальным положением, опытом службы в генеральском доме, но оно в этом плане очень стереотипно и узко. Князь и в этом эпизоде, и во многих других демонстрирует свою «надсословность», что не всегда воспринимается его собеседниками благоприятно в первый момент. Такую же реакцию, как у камердинера по отношению к себе Мышкин вызывает и при первом знакомстве с семейством генерала Епанчина. Для Епанчиных соблюдение иерархии и правил приличия так же обязательны, как и для их слуги, это основа взаимоотношений между людьми, организационное начало всей жизни. Поэтому первая встреча с князем Мышкиным, в определенном смысле, «не оправдала ожиданий» генеральского семейства, но невольно «сломала» некоторые стереотипы. Мышкин обращается в первую очередь к *человеку*, а не к социальной роли, статусу, держателю капитала и т.д. В определенной мере он игнорирует социальную иерархию, что позволяет ему вступать в общение с разными людьми и по возрасту, и по статусу: с генералом Епанчиным и его семейством, Ганей Иволгиным, спившимся генералом Иволгиным, с подростком Колей, с купцом Рогожиным, с «содержанкой» Настасьей Филипповной, с Келлером и еще с многими и разнообразными персонажами. И здесь определяется одна из важнейших ценностей: человек, а не его социальное положение. Помимо этого важно и другое – князь с любым собеседником открыт для контакта и искренен. Это та человеческая черта, которую не могут не оценить в нем собеседники. Даже Ганя, называя Мышкина «идиотом», потому что тот из-за своей непосредственности и открытости ставит Ганю в неловкое положение и, по сути, разрушает ту сложную игру с Аглаей, которую Ганя вел, позднее в слезах просит у князя прощения.

Сложнее всего дается Мышкину общение в том кругу, который должен соответствовать его статусу князя. Там, где требуется строгое исполнение принятых правил поведения, князь терпит фиаско. Именно так заканчивается званый вечер в доме Епанчиных, когда Мышкина пытаются ввести в светский круг и получить одобрение одной из влиятельных дам. Аглая, прекрасно понимая натуру князя, накануне пытается подготовить его к этому вечеру, беспокоясь за него.

³ Произведения Ф. М. Достоевского цитируются по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1973– Далее при цитировании номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

«– ...Отвратительны мне были всегда правила, какие иногда у татара бывают. <...> И смешно: мы всегда были люди среднего круга, самого среднего, какого только можно быть; зачем же лезть в тот великосветский круг?» (т. VIII, с. 435).

И далее Аглая пытается дать князю наставления, как именно *не надо* себя вести: «...Вы сумеете взять и выпить прилично чашку чаю, когда на вас все будут нарочно смотреть?»

– Я думаю, что сумею.

– Это жаль; а то бы я посмеялась. Разбейте по крайней мере китайскую вазу в гостиной! <...> Сделайте какой-нибудь жест, как вы всегда делаете, ударьте и разбейте. Сядьте нарочно подле.

– Напротив, постараюсь сесть как можно дальше: спасибо, что предупреждаете. <...>

– Слушайте, раз навсегда, <...> если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что «мир спасет красота», то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!» (т. VIII, с. 435–436].

Все опасения Аглаи оправдываются, ее самые худшие предсказания сбываются. Попытки сделать Мышкина «нормальным» с точки зрения светского круга невыполнимы, иначе князь и не был бы тем уникальным человеком, которого многие почитают за идеал.

Сама Аглая тоже попытается нарушить нормы общения, когда слишком открыто, почти цинично в присутствии своей семьи будет расспрашивать князя о его намерениях просить ее руки, о деньгах, которыми он владеет и т.д. Эта скандальная сцена оставит у всех общее впечатление: обиды за князя, негодование за унижение, которому он подвергся со стороны Аглаи. Поэтому принципиальна разница в «нарочитой простоте» и откровенности, с которой князь обращается к другим и Аглая – к князю. Детская наивность и откровенность князя ставятся рядом с детской избалованностью, капризностью и порой жестокостью Аглаи. И детскость, как важная и ценная человеческая черта, приобретает совершенно разное проявление и разную оценку: с одной стороны, она может вызывать уважение, с другой – осуждение и раздражение.

Совершенно верно отмечено Е. В. Кузнецовой, что «в своем стремлении к полноценному общению Мышкин придерживается своих норм. Для него это – уважительность, вежливость и откровенность. Ему свойственна также забота

о собеседнике, о его подлинных выгодах, о душевном состоянии» [Кузнецова, 2009, с. 99]. Именно так – уважительно, вежливо и откровенно как князь – не может больше говорить и вести себя никто в романе. Именно поэтому Лизавета Прокофьевна так открыто говорит своей дочери: «Этого я не ожидала от тебя, – проговорила она с огорчением, – жених он невозможный, я знаю, и слава богу, что так сошлось; но от тебя-то я таких слов не ждала! Я думала, другое от тебя будет. Я бы тех всех вчерашних прогнала, а его оставила, вот он какой человек!..»

Тут она вдруг остановилась, испугавшись сама того, что сказала» (т. VIII, с. 460). Генеральша позволяет себе высказать все, что думает откровенно и искренне, она тоже нарушает принятые нормы, и ее сама это «пугает». Но в ее словах звучат очень важные оценки: да, князь не вписывается в иерархию этого мира и не может в нее вписаться («жених невозможный»), и с точки зрения светских правил, отношений, ценностей Аглая поступила верно («слава богу, что все так сошлось»). Но генеральша видит и ценит и другое: Мышкин – совершенно уникальный человек, равного которому нет. Более того, она отстаивает и право князя на уважение, и даже на элементарное соблюдение правил вежливости в отношении него со стороны Аглаи. Забота о собеседнике, о его душевном состоянии – это то, что делает князя притягательным для всех остальных. Ведь контактность князя, его способность и даже готовность поговорить с любым другим человеком, в большей степени оказываются нужны именно его окружающим. В начале романа Мышкин разговаривает с людьми с готовностью, хочет сближения с ними, взаимопонимания. Именно так и начинается его дружба-вражда с Рогожиным, и, как верно было замечено, общение в поезде, в дороге, имеет особую специфику: «Образ попутчика можно было бы выделить в отдельный хронотоп, в котором пространство (купе вагона) и время (мимолетность встречи) ширятся глубиной проникновенного разговора по душам, в котором незнакомцам проще излить душу» [Макаричев, 2021, с. 214].

Почти так же начинается история отношений с Епанчиными: с откровенного, почти «неприличного» рассказа о себе, о падшей Мари и смертной казни... Но одиночество князя становится все более и более ощутимым и для него самого, и для читателя по мере развития событий романа. И от этого одиночества Мышкина не способен спасти никто.

От князя Мышкина логично перейти к своеобразию другого героя – Николая Всеволодовича Ставрогина. Многие исследователи отмечали продуктивность как противопоставления, так и сопоставления этих героев по целому ряду критериев. Например, Г. С. Померанц писал: «Ставрогин – такой же важный антипод Мышкина, как Рогожин, даже, может быть, еще более важный» [Померанц, 1990, с. 263].

Действительно, Мышкин и Ставрогин – антиподы, и прежде всего в нравственном отношении. Д. Р. Железняк, обращаясь к образам этих двух героев и анализируя особенности их взаимодействия с «Другим», делает важное замечание: «...принципиальный антидиалогизм Николая Всеволодовича в “Бесах” формирует некоторую особую онтологическую позицию героя, реализуемую через специфику коммуникации. Данный аспект зеркальности двух героев могут подтвердить конкретные сюжетные ситуации» [Железняк, 2021, с. 114].

Николай Всеволодович, в отличие от Мышкина, прекрасно знает и умеет соблюдать правила поведения в обществе: «Он прожил у нас с полгода – вяло, тихо, довольно угрюмо; являлся в обществе и с неуклонным вниманием исполнял весь наш губернский этикет» (т. X, с. 37). В Петербурге Ставрогин сначала утверждается в высшем свете, и его принимают очень благосклонно. Однако Николай Всеволодович вскоре начинает демонстрировать нарочитое неприятие норм поведения в обществе: «...рассказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленных рысаками людях, о зверском поступке с одной дамой хорошего общества, с которою он был в связи, а потом оскорбил ее публично. Что-то даже слишком уж откровенно грязное было в этом деле. Прибавляли сверх того, что он какой-то бретер, привязывается и оскорбляет из удовольствия оскорбить» (т. X, с. 36).

Круг общения Ставрогина становится очень разнообразен, в него входят представители совершенно разных социальных слоев. При этом для Ставрогина, в отличие от Мышкина, характерно как бы движение «сверху – вниз»: «...в прежнем обществе его уже не встречали вовсе; он куда-то как бы спрятался. Доискались, что он живет в какой-то странной компании, связался с каким-то отребьем петербургского населения, с какими-то бессапожными чиновниками, отставными военными, благородно просящими милостыню, пьяницами, посещает их грязные семейства, дни и ночи проводит в темных трущобах и бог знает в каких закоулках, опустился, оборвался и что, стало быть, это ему нравится» (т. X, с. 36).

Но, конечно, внешнее нарушение правил поведения в обществе – это только вершина айсберга, это внешняя характеристика, которая имеет совершенно разные истоки и цели. Для Ставрогина это способ показать свою «внеаходимость» по отношению к обществу, право на игнорирование законов, которые приняты для всех. Его поведение – это не «внесловность» Мышкина, который выделяет лишь одно основание, по которому все равны, поскольку все *люди*, для Ставрогина это вызов и утверждение своего исключительного права на любой поступок по отношению к другому. По сути, это реализация той самой теории Раскольниковца о двух классах людей и праве «особенных» на вседозволенность.

Способность Ставрогина к нарушению норм поведения и игнорированию социальной иерархии лишь указывают на его неуважение к людям и нормам взаимоотношений в обществе. Там, где у Мышкина – искренность, открытость, уважение к собеседнику и беспокойство о его душевном состоянии, у Ставрогина – эгоизм и равнодушие, причем в лучшем случае. Показательна история отношений Ставрогина и Марьи Лебядкиной в интерпретации Петра Верховенского. Достоевский вновь обращается к максимально контрастному сочетанию: князь Мышкин – содержанка Настасья Филипповна и Ставрогин – юродивая хромоножка. Но уважительное отношение Мышкина к Настасье Филипповне – это результат его человеческого и христианского отношения к ней как к человеку, к ее личности, к ее страданиям. В случае со Ставрогиным и Лебядкиной – сложнее. Здесь есть и элемент игры, исключающей заботу о достоинстве другого человека («раздражал мечту»), но при этом Николай Всеволодович как будто и отдает должное влюбленной в него юродивой: «Но раз, когда ее обижали, он (не спрашивая причины) схватил одного чиновника за шиворот и спустил из второго этажа в окно. Никаких рыцарских негодований в пользу оскорбленной невинности тут не было; вся операция произошла при общем смехе, и смеялся всех больше Николай Всеволодович сам; когда же всё кончилось благополучно, то помирились и стали пить пунш. Но угнетенная невинность сама про то не забыла. Разумеется, кончилось окончательным сотрясением ее умственных способностей. <...> А Николай Всеволодович, как нарочно, еще более раздражал мечту: вместо того чтобы рассмеяться, он вдруг стал обращаться к mademoiselle Лебядкиной с неожиданным уважением. <...> “Вы полагаете, <...> что я смеюсь над нею; разуверьтесь, я в самом деле ее уважаю, потому что она всех нас лучше”» (т. X, с. 149–150). В дальнейшем, когда свое слово скажет и Шатов, появятся новые подробности, например, о женитьбе на спор на бутылку вина, а одной из причин будет названо сладострастие: «Вы женились по страсти к мучительству, по страсти к угрызениям совести, по сладострастию нравственному. <...> Вызов здравому смыслу был уж слишком прельстителен! Ставрогин и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка!» (т. X, с. 202). Но в любом случае нарушение норм поведения, как и нарушение иерархических отношений в обществе у Ставрогина имеют прямо противоположное значение, чем у князя Мышкина.

Именно поэтому антиномия Мышкин – Ставрогин обозначается по принципу: «идеальный человек» – «грешник», «преступная личность». Притягательность и обаяние зла иногда оказывается не меньшей силы, чем сила и притягательность добра. Именно об этом писал С. И. Гессен, обращаясь к образу Ставрогина: «В Ставрогине Петра Верховенского восхищает не только его

“изумительная способность к преступлению”, за которой стоит полное безразличие к добру и злу, и которой он сам обладает в высокой степени, но великолепие этого дара у Ставрогина, как бы полная его бескорыстность, демоническая сила, излучаемая Ставрогиным и совершенно отсутствующая у него, человека пользы» [Гессен, <http://www.odinblago.ru/path/36/3>].

На совести Ставрогина много преступлений не только нравственных, но и практически уголовных.

Аморальны его отношения с женщинами – Лизой Тушиной, Дарьей Шатовой, Марьей Шатовой и даже с законной женой Марьей Лебядкиной.

Отношения Ставрогина с Лизой Тушиной приводят героиню к гибели. Лизу убивают за то, что она «причастна» к преступлению Ставрогина, в ней видят причину убийства Марьи Лебядкиной и ее брата: «Тут кто-то крикнул: “Это ставрогинская!” И с другой стороны: “Мало что убьют, глядеть придут!” Вдруг я увидел, что над ее головой, сзади, поднялась и опустилась чья-то рука; Лиза упала» (т. X, с. 413). Толпа вершит самосуд над Лизой, потому что «наслушалась о Ставрогине и о том, как выгодно было ему резать жену» (т. X, с. 412–413). Ставрогин сам не брал нож в руки, он не поджигал дом, где жили Лебядкины, чтобы скрыть следы преступления. Но люди, безлика «густая толпа», как выразитель некоего коллективного осуждения Николая Всеволодовича, однозначно указывает на него как главного виновного в совершенном преступлении. В ту роковую ночь он признается Лизе, что сам не убивал Лебядкиных, но знал о готовящемся убийстве и не был против него. Но Николай Всеволодович лукавит и смягчает свою вину, несмотря даже на такое откровенное признание. Он не рассказывает Лизе о еще одном важном событии: ночной встрече с Федькой Катгоржным и «торгах» за жизнь и смерть Лебядкиных: «Николай Всеволодович громко захохотал и, вынув из кармана портмоне, в котором было рублей до пятидесяти мелкими кредитками, выбросил ему одну бумажку из пачки, затем другую, третью, четвертую. Федька подхватывал на лету, кидался, бумажки сыпались в грязь, Федька ловил и прикрикивал: “Эх, эх!”» (X, с. 221). Поэтому из пассивного созерцателя, с чьего молчаливого согласия совершается убийство, Николай Ставрогин, выражаясь языком юриспруденции, превращается в заказчика преступления.

Умирает и Марья Шатова, которая рождает ребенка от Ставрогина, являясь при этом женой Ивана Шатова. На Ставрогине лежит вина не только за ее смерть, но и за гибель всей семьи: под руководством Петра Верховенского «нигилисты» и «бесы» убивают Ивана Шатова, а Марья Шатова и ребенок умирают, простудившись холодным утром после его смерти.

Ставрогин морально ответственен за смерти двух своих учеников: Кирилова и Шатова, а также за многие бесчинства, которые происходят вокруг с поддачи Петра Верховенского. Тотальное отрицание норм морали, христианских заповедей, которые Достоевский считал основой жизни и взаимоотношений между людьми, приводит к разгулу «бесов». Н. А. Бердяев поэтому поставил Достоевского предшественником другого философа, с именем которого связывают эпоху «переоценки ценностей» и отрицания морали: «Достоевский предвосхитил Ницше и многое, раскрывшееся лишь теперь. <...> Путь творчества для Ставрогина, как и для Ницше, был путем богоотступничества, убийства Бога» [Бердяев, <https://www.vehi.net/berdyaev/stvrogin.html>].

Впрочем, самоубийство Ставрогина, «самоприговор» этого героя – неизбежный результат «убийства Бога» в себе, неспособности к любви и нежелания различать добро и зло. С. И. Гессен заметил по поводу двух романов Достоевского: «...главным героем метафизического действия “Бесов” является не добро, соблазненное злом, а самое зло, трагедия которого и символизирована в образе Ставрогина. В этом отношении “Бесы” представляют прямую противоположность “Братьям Карамазовым”, имеющим своим предметом трагедию добра» [Гессен, <http://www.odinblago.ru/path/36/3>].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бердяев, Н. А.** Ставрогин / Н. А. Бердяев. – URL: <https://www.vehi.net/berdyaev/stvrogin.html> (25.12.2025).
2. **Власкин, А. П.** Аксиологическая составляющая художественного мира романа «Преступление и наказание» / А. П. Власкин // Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя / под ред. С. Алоэ. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2012. – С. 400–409.
3. **Гессен, С. И.** Трагедия зла (философский образ Ставрогина) / С. И. Гессен // Путь. – № 36. – С. 60. – URL: <http://www.odinblago.ru/path/36/3> (22.12.2025).
4. **Достоевский, Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1972–1990.
5. **Железняк, Д. Р.** Образы Мышкина и Ставрогина: о зеркальности князей-антиподов / Д. Р. Железняк // Актуальные проблемы филологии. – 2021. – № 22. – С. 109–115.
6. **Кузнецова, Е. В.** Художественная аксиология в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: специальность 10.01.01 – Русская литература: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кузнецова Евгения Викторовна. – Магнитогорск, 2009. – 206 с.

7. **Макаричев, Ф. В.** Образ железной дороги в русской культуре / Ф. В. Макаричев, Е. А. Горбаренко // Железнодорожные войска в истории России: Материалы отраслевой научно-исторической конференции, Петергоф, 15 июня 2021 года / Под общей редакцией А. Ю. Шенбергера. – Петергоф: Военный институт (железнодорожных войск и военных сообщений) Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации, 2021. – С. 213–217.

8. **Померанц, Г. С.** Открытость бездне: встречи с Достоевским / Г. С. Померанц. – Москва: Советский писатель, 1990. – 384 с.

9. **Свительский, В. А.** Герой и его оценка в русской психологической прозе 60–70-х годов XIX в.: специальность 10.01.01 – Русская литература: автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук / Свительский Владислав Анатольевич. – Воронеж, 1995. – 38 с.

REFERENCES

1. **Berdyayev, N. A.** Stavrogin / N. A. Berdyayev. – URL: <https://www.vehi.net/berdyayev/stvrogin.html> (25.12.2025).

2. **Dostoyevskiy, F. M.** Polnoye sobraniye sochineni: v 30 t. – Leningrad: Nauka, 1973–1990.

3. **Gessen, S. I.** Tragediya zla (filosofskij obraz Stavrogina) / S. I. Gessen // «Put'». – № 36. – С. 60. – URL: <http://www.odinblago.ru/path/36/3> (22.12.2025).

4. **Kuznetsova, E. V.** Kpudozhestvennaya aksiologiya v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot»: special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Kuznetsova Evgeniya Viktorovna. – Magnitogorsk, 2009. – 206 s.

5. **Makarichev, F. V.** Obraz zheleznoy dorogi v russkoy kul'ture / F. V. Makarichev, E. A. Gorbarenko // Zheleznodorozhnye vojska v istorii Rossii: Materialy otraslevoj nauchno-istoricheskoy konferencii, Petergof, 15 iyunya 2021 goda / Pod obshchej redakciej A.YU. Shenbergera. – Petergof: Voennyj institut (zhelezno-dorozhnyh vojsk i voennyh soobshchenij) Federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo voennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya “Voennaya akademiya material'no-tekhnicheskogo obespecheniya imeni generala armii A. V. Hruleva” Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii, 2021. – С. 213–217.

6. **Pomerants, G. S.** Otkrytost' bezdne: vstrechi s Dostoevskim / Pomerants – Moskva: Sovetskiy Pisatel', 1990. – 384 p.

7. **Svitel'skiy, V. A.** Geroj i ego otcenka v russkoy psihologicheskoy proze 60–70-h godov XIX v.: special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura: avtoref. dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filol. nauk / Svitel'skiy Vladislav Anatol'evich. – Voronezh, 1995. – 38 s.

8. **Vlaskin, A. P.** Aksiologicheskaya sostavlyayushchaya khudozhestvennogo mira romana «Prestuplenie i nakazanie» / A. P. Vlaskin // Dostoevskiy: Filosofskoe myshlenie, vzglyad pisatelya / pod red. S. Aloe. – Saknt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2012. – S. 400–409.

9. **Zheleznyak, D. R.** Obrazy Myshkina i Stavrogina: o zerkal'nosti knyazey-antipodov / D. R. Zheleznyak // Aktual'nye problemy filologii. – 2021. – № 22. – S. 109–115.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026 г.